

Наталья Куракина

**Записки
с Марса
и Венеры**

Проза

Наталья Куракина

Записки с Марса и Венеры. Проза

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014814
ISBN 9785448548895*

Аннотация

Лирическое повествование о молодых людях, чья юность пришлась на 80-е годы XX-го столетия. История о том, что случается, если не успеваешь трудиться над ошибками или исправляешь их не вовремя. Памяти школьных и студенческих друзей и учителей посвящается эта книга.

Содержание

Записки с Марса и Венеры	5
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Записки с Марса и Венеры

Проза

Наталья Куракина

© Наталья Куракина, 2017

ISBN 978-5-4485-4889-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки с Марса и Венеры

Одиннадцатое марта.

Сегодня видела его. После УПК пришла в школу, они в кабинете биологии репетировали.

– Он на меня посмотрел и засмеялся!

– Как раз твой выход! Иди, иди!

Я не пошла туда, села рисовать визитки. Потом, когда поставили Джо Дассена, я встала и пошла в класс. Волохов и Паша вешали затемнение, стоя на окне.

Я уселась и, не поднимая головы, стала рисовать. Меня сковывали какие-то силы, но тем не менее я была какой-то развязной. Рядом – Гаврилова, Михайлова, Нина, Рита, и мне так хорошо с ними. Обернувшись, посмотрела на окно: мальчишки на подоконнике, такие славные. В углу окна стоят, обняв друг друга. Они перебирались от окна к окну, и Паша сказал нам с Ритой:

– Девочки, пересядьте, пожалуйста.

Я:

– Сейчас.

Так хотелось чтобы он увидел мои художества.

Я стала вслух пересчитывать визитки, откладывая их. Мальчишки стояли слева и, как мне казалось, смотрели

на меня. Вдруг засмеялись, вышли за дверь и снова засмеялись. Я приняла это на свой счёт. Потом Паша проходил мимо и почти задел мой локоть, но чуть слышно сказал: «Извиняюсь». Я промолчала. Лицо заливалось краской. Несколько раз я поднимала голову и, случайно встретившись с ним глазами, краснела и отводила взгляд. Стараясь улыбаться и острить с девчонками.

Девчонки стояли рядом, и я «боковым зрением» увидела, что подошёл он и рассматривает визитки. Это всё для него, всё ради него. Как бы я хотела чтобы ему достался самый красивый рисунок! Потом он ушёл, сказав: «До свидания, Людмила Николаевна». Мне было жаль, что он уходит.

Вернулся за пластинкой органной музыки, стоял в классе, не снимая пальто. Сказал что-то вроде «Я на грязных каблук» и засмеялся своей «космической» улыбкой. Я смотрела на него, он мельком взглянул на меня и ушёл. Ревную его к Булочкиной и почему-то к Нине Сильванской.

Девятого марта наверху у соседей пел Высоцкий, хорошо помню. Боже, какой это был вечер! Передо мной оказался Паша.

Скоро Москва!!!

Двенадцатое марта.

Какой день...

Суэта: биология и клуб. На клуб – я так и говорила – яви-

лись восемьдесят человек. И ещё десять гостей. Я сидела с девчонками справа. Стали расспрашивать друг друга, кто за кем рассказывает, Паша успокоил: «Я объявлю».

Скоро уже ничего не будет. Скоро не будет и самой поездки. Всё время думаю об этом. Как хорошо, что у человека есть пристанище, откуда не хочется уезжать.

Хочу бродить с ним по заснеженным улицам Москвы. Его не интересуют мои художества.

Скоро выпускной. Заседание позади, и кажется, что вся подготовка к нему была когда-то давно, где-то далеко в прошлом.

Счастлива та, кто сидит с ним за одной партой.

Я ещё ничего не знаю о том, какой буду счастливой сама, когда окажусь с ним за одним столом в читальном зале институтской библиотеки, в такси по дороге в аэропорт, в лифте нашего общежития, и на переговорный пункт к телефонам мы тоже пойдём вдвоём. Но это будет потом.

«Пепел милый... отрада бедная в судьбе моей унылой... останься... со мной...» «Сожжённое письмо». Я буду с ним целых пять дней! Ура!

Алла сказала мне: «Паша говорил – «Наташенька, бедная, вчера старалась, рисовала». Врёт?

Ничего, ещё будет поездка, вечер в школе и вечер в мае... Я тешу себя надеждами и тем, что ещё увижу его. Уже не на три дня. Это уже на всю жизнь. Он будет, но всё останется в прошлом.

На клубе сказал: «Ого, ещё и тут домашнее задание. Мало уроков?»

А со стула на пол прыгать на прямые ноги – нормально?

Я – в списке, там, где и он, но рядом с ним написана другая фамилия. Список висит на третьем этаже.

Люблю ли я его, если всё повторяю и повторяю его имя, говорю о нём беспрестанно? Если б любила – говорила бы о нём вслух? «Всё то, что истинно, умеет быть тихим». Хайнц Калау. Будет прочитано немного позже.

А пока список отъезжающих в Москву висит на третьем этаже.

Задумала исповедь в вагоне. Исповедь случится через два года, тоже весной, но не в марте, а в апреле, на первом этаже нашего общежития. Но откуда мне было знать тогда о его намечающемся поступлении и о том, что по счастливому стечению обстоятельств я сама стану студенткой...

Как много потеряли те, кто не видит в нём того, что вижу я. Раньше хотелось, чтобы побыстрее прошли каникулы. Сейчас – пусть не заканчивались бы дни учебного года.

Ни о чём не думается, кроме поездки. Как быстро бежит время.

Марина Бутримова сказала восемнадцатого марта, что осталось учиться «чистых» сорок дней.

Господи, чему тут радоваться. А, может, так и надо.

Впервые в жизни – а, может, и в последний – пришла большая настоящая любовь, а я не смогла её уберечь из-за бол-

товни, пусть и безответную.

Сестрица моя – она уже ходила в первый класс – «донесла» девчонкам: «А Наталья будет спать с Пашей в одном поезде». Можно подумать, что все остальные поедут спецвагоном. Света Михайлова смеялась, девочки тоже, а Паша на них посмотрел...

Господи, да он и так не обращает на меня внимания, зачем же ещё...

Девятнадцатое марта.

Сегодня отъезд. Как я готовлюсь к этому событию! Поезд отходит без десяти семь. Папа отвозит нас на вокзал. Я с замирающим сердцем смотрю в окно машины. Выходим и образуем круг вместе с теми, кто уже приехал на вокзал. В одно мгновение вокруг собираются мальчишки. Среди них – он. Я как-то сразу вся сжимаюсь и хочу сделаться незаметной. Берём вещи и идём в вокзал. В помещении вокзала наша шумная толпа и дожидается поезда. Рядом милые славные девчонки – Ленка Гаврилова, Светка Михайлова. Седову пришла провожать её подруга. Они пока стоят со мной, но потом... Ладно, что будет потом, то будет потом. Мы стоим втроём. Глаза мои всё ищут и ищут его и то находят, то нет. Он в кожаной куртке, той самой. Я прикована к нему. Я не могу оторваться. Говорю с теми, кто стоит рядом и не слышу, что говорю – я вся в нём. Вдруг он подходит к нам и гово-

рит – только я не понимаю, кому – «Так что, К. едет?» Я говорю: «Да». Он: «Господи! Вот повезло!» Что-то в этом роде. «А свою дочку она тоже берёт?» Я переспрашиваю и говорю, что, наверное, нет. Я смотрю ему в глаза. Он, кажется, тоже смотрит. На меня. Или мне только кажется? «А я всем сказал, что она не едет. Все уже обрадовались». Я чувствую на себе краску. Какое это имеет значение? К. – это вторая учительница, которая вместе с моей мамой сопровождает группу.

Вот и Нина пришла. Я – с ней и с девчонками. Я рада тому настроению, которое властвует в маленьком вестибюле вокзала. Мы стоим с Ниной, и вдруг он подходит к нам и говорит с ней о чём-то на тему художки. Они оба ходят в художественную школу. Я чувствую себя лишней в их разговоре, не знаю, куда смотреть. Наконец, он уходит. Но через некоторое время возвращается и спрашивает: «Девочки, у вас нет двух копеек на телефон? Нина, ты не знаешь, где тут телефон?» Я стою к нему спиной. Нина отвечает: «Нет». Он отходит, а я говорю Нине: «Кто же в Москву едет с двумя копейками?» Ей, видно, понравилась эта фраза, и она обращается с ней к Павлу. Но он не слышит.

Мы выходим на улицу. Гуляем по перрону. Вот откуда эти мыслеобразы... всплывающие иногда в стихах – перроны, вокзалы, поезда, позже – аэропорты, трамваи...

Навстречу идут мама и он. Идём за вещами, переходим мост. Всё остальное время я стою с родителями и К. Девятый

класс – все вместе. Меня это несколько раздражает. Не вижу Пашу. И вот мы садимся в поезд. Жарко, душно. Начинается суматоха – кто где. Семиклассницы в купе вшестером. (Сейчас эти семиклассницы – дамы предпенсионного возраста). Девятый класс занял последнее купе – то, что ближе к туалету. Я оказалась вместе с мамой и К. Хотелось, чтобы боковые места заняли Паша и ещё кто-нибудь из мальчишек. Но на боковых мальчишки оставили свои вещи. Сначала все они ходили и менялись с кем-то местами. Мама сказала проходившему мимо Паше: «Павлик, останавливайся здесь». Но он ответил, что меняется с кем-то. Мы с мамой посмотрели друг на друга понимающе. Климов оставил у нас в купе свои брюки. Слева расположились Нина, Ольга Ткачёва, Ященко, Касаркин, Лисовский. Не разузнав ещё эту компанию, я отправилась туда. Мы с Ниной целый час усердно клеили кубик для игры, которую она взяла с собой, но потом оставили это занятие. Я пробовала вести себя развязно, беспричинно смеялась и, хотя чувствовала, что веду себя неправильно, не могла остановиться. Потом я сникла и, пристроившись в этом чужом купе у окна, тихо сидела, задумавшись и с горечью слушая оживлённый разговор девятиклассников в соседнем купе. Мне очень хотелось уйти оттуда, но я не могла подняться. Посидев там час, я всё-таки ушла в своё купе. Никто не взял магнитофон, да и к лучшему. Всё равно его слушало бы одно купе – последнее.

Спать расположились таким образом: все восемь «девя-

тых» были в одном купе, некоторые – на третьих полках. Я с ревностью слушала смех и говор, шедший оттуда. Потом они переместились в соседнее купе и завели разговор о государственной и личной собственности, подсмеиваясь друг над другом. Я долго не могла уснуть и, просыпаясь ночью, всё время слышала его голос.

Двадцатое марта.

Утром, как назло, закрыли туалет и пришлось идти умываться с той стороны, где было их купе. Я, с трудом переборов себя, пошла умываться. Все они сидели в одном купе, в проходе. Тут был и Кулижский, тут были все. Я старалась не смотреть на них.

К туалету в тамбур вышла Нина. Она сказала, что невозможно было спать, они всю ночь просидели в их купе. Про Пашу она сказала, что он «час поспит – опять придёт поболтать, потом опять час поспит». Да, вечером носили чай, и я слышала, как он говорил: «Нам три стакана, пожалуйста.»

Потом я всё выглядывала в проход, видела его, встречалась с ним глазами. Будто какой-то магнит находился в той стороне. Потом я ушла в купе к семиклашкам. Мы просмеялись и проболтали всё оставшееся время. В конце пути пришёл Кулижский с мальчишками и, сделав умное лицо, спросил нас насчёт собственности о семечках – мы грызли семечки. Потом он добавил, что вот они всё время смеются,

а от нас не слышно никакого смеха. Михайлова что-то ответила ему, и они ушли.

Приехав в Москву, мы вышли на перрон. Руководители о чём-то совещались. Потом все стояли в помещении Казанского вокзала, взрослые уходили куда-то.

Я всё следила за ним. Он был то со своими мальчишками, то с девчонками, а чаще – со всеми сразу. И вот нас повели к автобусу, в котором нас должны были отвезти в гостиницу

«Турист». Я была рада без памяти. Мы с Ниной стояли вместе, а слева оказался Паша. Он говорил о чём-то повседневном, а я удивлялась, что он вообще КАК ВСЕ – ест, как все, спит на верхних полках в поезде... Я предпринимала всякие телодвижения – то стояла, задрав голову с умным видом, рассматривала часы на Казанском вокзале, поворачивалась к нему в профиль... Нас везли в гостиницу мимо ВГИКа, я смотрела на Москву и болтала с Бурлаковой, с которой сидела. Заметила. Что на Паше вместо куртки – полупальто, он даже поднял воротник, и я подумала, что он поменялся с кем-то.

Ужинали мы в ресторане. Шикарно. Я сидела с Ниной, Ларой Гаврильчук, Касаркиным, Киношем и Лисовским. Было очень неловко есть при всех – как всегда, – к тому же, впереди за столом, почти напротив, сидел ОН.

Нас разместили в корпусе 5.Наша с Ниной комната была на втором этаже, мамина на четвёртом, по соседству с Па-

шей, а семиклашки оказались на третьем. Мы были ужасно всем довольны.

После ужина в метро поехали на Красную площадь. Бежали в бешеном темпе, и мне это очень нравилось. Долго плутали, больше часа, потом приехали в ГУМ. Все разбрелись, условились встретиться в девять вечера, чтобы посмотреть на вечерний Кремль и смену караула у мавзолея. Но дело было в том, что К. и мальчишки потерялись в метро. Но потом в ГУМ они всё же попали, а К. назначила им встречу возле входа в половине девятого. Сначала Нина ходила с нами – то есть, со мной, мамой, Киношем и моей сестрой. Мы просто летали по ГУМу от одной секции к другой. Потом увидели К. – она стояла за лифчиками. От неё и узнали, что она сказала мальчишкам собираться в восемь тридцать у входа. Оставив Нину, – она пожелала бегать с Ткачёвой, мы полетели дальше., купили пластинки Высоцкого (!), повернулись ещё и остановились пить воду на первом этаже. Тут подошли мальчишки. Кулижский сказал: «Людмила Николаевна, а что, если мы купим бутылку шампанского и поедем отмечать мой день рождения?»

Мама: «Мальчишки, да вы что, с ума сошли? Ни в коем случае!»

Мы стояли в очереди за водой. Я походила вокруг да около, в буквальном смысле, девчонки были рядом. Тут я увидела Пашу. Он тоже что-то сказал маме, и я решила вернуть слово. Я сказала: «Ну и ну, совсем уже...»

Паша круто повернулся ко мне и спросил: «А что? Что такое? В чем дело?»

Я: «Будто не знаешь. Это с восьмого-то класса употреблять спиртные напитки!»

Он: «Какие именно?»

Я: «Ты же знаешь прекрасно.»

Он: «Нет. А какие?»

Я: «Ты же слышал, что сказал Кулижский».

Он прямо наступал на меня, подходя близко и заглядывая в лицо. Я отступала – делала то шаг вбок, то назад, а он шёл вместе со мной, подойдя вплотную. Просто танец. Я не смотрела на него, я глядела перед собой какими-то остановившимися совиными глазами и несла какую-то чушь, ругая себя мысленно за то, что вообще начала разговор.

Собственно, говорила я не ему, но рассчитывая на него, на то, что он услышит. Вот и рассчитала... В конце концов я сказала: «Шампанское». А сама подумала – спиртное.

И пожалела, что сказала.

Он ответил: «И всё? Ой, не смешите меня!»

Я попыталась ответить нечто вроде «Ничего себе – и всё!» и тут же подумала, что в его глазах предстала какой-то идиоткой с дурацкими взглядами. Я была повергнута. С гадким настроением вышла на улицу. Мальчишкам жутко хотелось ехать в гостиницу. Они сказали, что у Климова болит горло, да и Паша заболел. Всё это выглядело как-то неправдоподобно – я поделилась с Ниной своими догадками. «Девя-

тые» уехали, а мы все смотрели смену караула. Я любовалась вечерним Кремлём. Меня поразила эта красота, увиденная воочию, а не по телевизору.

Чувство симпатии, простой человеческой симпатии закралось у меня к Кинашу. Такой славный мальчишка! Спокойный, выдержанный, и уж точно не любитель шампанского.

Когда ехали в метро обратно в гостиницу, Нина сказала, что пойдёт на день рождения к Кулижскому. Я спросила: «А тебя приглашали?»

«Павлик сказал чтобы приходили все», – ответила Нина.

«А тебе лично это говорили?»

Я спросила семиклашек, приглашали ли их. Ответ был отрицательным. Нине я сказала, что ни за какие коврижки туда не пойду, даже вместе с ней, потому что не разделяю взглядов этой компании, и от моих убеждений меня никто не заставит отказаться. Во всяком случае, Нине я рассказала о разговоре с Пашей, который произошёл в ГУМе.

Мы приехали в гостиницу. Не помню, зачем, но мы поднимались в номер 420, встретили одну из их одноклассниц, которая прогуливалась по коридору в завязанной на животе рубашке. Я мимоходом слегка ткнула пальцем в узел, завязанный на её животе...

В четыреста двадцатой жили наши руководители. В четыреста девятнадцатой жили «девятые».

Мы с Ниной шли по коридору, когда в четыреста девятна-

дцатой я услышала возню. Открылась дверь. На пороге стоял ОН, без пиджака, в своих синих брюках, на полусогнутых ногах, чуть ссутулившись, в рубашке неопределённого цвета, с чуть взлохмаченными кудрями. Он стоял в дверном проёме, и я секунду любовалась им, и тут же услышала его вопрос: «Где Людмила Николаевна?» Обращался он явно к Нине, она оказалась ближе к нему, а я, как всегда, плелась в хвосте. Нина пожала плечами, а я сказала — «Пойди и спроси вон в том номере». Он вышел, постучал в соседний номер, оттуда вышла мама и они стали разговаривать о вечернем так называемом обходе, его, по всей видимости, интересовало, в котором часу намечается отбой.

Потом он проковылял в свою комнату, а по дороге сказал Нине, что был в баре, и что там «ничего нет». Всё это лихорадочно несло перед глазами. Вдруг он сказал «Подождите, я сейчас!», метнулся в свой номер и, нелепо скособочившись, на ходу набрасывая пиджак, спеша тайно организовать намеченное и сделать это побыстрее, оглянулся по сторонам, буквально подпрыгивая на ходу, и выбежал в коридор. Господи, как нелепо он выглядел!

И его засосала эта среда! И он ничем не отличается от остальных! А я думала, что он не такой, как все, он лучше всех! И никакой симпатии уже не было к нему, второпях набрасывающему на себя пиджак в дверном проёме, пугливо озирающемуся по сторонам,

Он спросил, какой номер нашего телефона. Спрашивал

это два раза, и я сказала, что не знаю, хотя, по всей вероятности, он обращался к Нине, потому что смотрел на неё.

Втроём мы прошли коридор и стали спускаться по лестнице, и он без умолку говорил что-то, адресуя вопросы Нине. Я хотела сказать ему – «а приглашаются все желающие?» и всё выбирала момент. И вот такой момент выдался и, стоя наверху лестницы, а он на две ступеньки ниже, – вернее, сначала он был рядом, а потом стал спускаться, – я сказала:

«Павлик, а приглашаются все желающие?» Он переспросил. Я повторила вопрос, не совсем отдавая себе отчёт в том, действительно ли хочу знать на него ответ, думая в тот миг только о том, что вот он стоит рядом со мной, тот, которого я люблю чуть ли не больше всех людей на свете, с кем говорю сейчас...

Я ни в каком сне не могла увидеть, что через пару лет услышу от него строки его собственного стихотворения «Я – человек, а не образ святой»

Спускаясь по лестнице, он сказал вскользь: «Я ещё ничего не знаю», а потом добавил

«Мы за вами зайдём» (или «мы вас позовём»). Он стоял внизу, а я смотрела на него, и сердце у меня уже не билось в прежнем ритме, таком, как в школе, когда он встречался мне в школьных коридорах. И я испугалась этого непривычного состояния спокойного безразличия. Глядя ему в глаза, я старалась сохранить презрительный взгляд, поджав губы и даже слегка прищурившись, давая понять, как это низко,

мелочно, гадко, мерзко, и как брезгливо я смотрю на подобные вещи, и как презрительно я отношусь к нему в эту минуту. Но – я знаю это сама – такие взгляды у меня не получаются, и моё дурацкое лицо никем не может быть замечено.

На лестнице было тихо, шёл одиннадцатый час вечера. Паша пошёл вниз, а мы – в свой номер. Тут на меня нашла какая-то волна, я засуетилась, собираясь идти в номер 419. Как будто меня туда уже пригласили. И мы побежали обратно в четыреста двадцатую причёсываться... На лестнице встретили маму и К., они спросили, зачем мы идём наверх, я сделала дурацкую загадочную улыбочку и сказала – «за расчёской»... Они обе предупредили, что уже надо всем спать, и что они делают обход, а я ответила – «Кому спать, а кому и не спать», и мы пошли наверх. Там в триста шестнадцатой у семиклашек мы причесались, а потом отправились на четвёртый этаж. Дверь в четыреста восемнадцатую была открыта, из неё выглянул Кулижский и спросил: «Ну, что?» Я ответила: «Они пошли делать обход...» и почувствовала себя такой же низкой паршивой соучастницей, всего минуту назад осуждающей чьё-то «плохое поведение». Во мне играло нечто вроде «каков бы он ни был, я хочу быть рядом с ним и таким же, как он...»

Кулижский сказал: «Ну, лично я сплю». И захлопнул дверь перед нашим носом, напомнив мне героя какого-то мультфильма. Тут я схватила Нину за руку и потащила в наш номер.

Там мы заперлись, и я до часу ночи читала мораль о том, как важно иметь своё мнение, а он его не имеет, что мы под дверью выглядели, как собаки, которые ждут подачки, как был противен Паша, какие есть две разные категории людей, и о том, что я слишком идеализировала его, и вот пришло разочарование – а оно и должно было придти...

И о том, что Пашины одноклассники лучше него, например, тот же Климов...

Я говорила чёрт знает о чём и, кажется,хватила лишнего насчёт Паши, так что Нина

Стала догадываться о моей симпатии к нему. Я начала быстро замечать следы подозрения

И в заключение, для того чтобы ещё больше опорочить его, сказала —«Да с ним рядом ходить противно! Посмотри, какая у него походка!» – и показала, как он ходит, после чего Нина упала на пол и заржала так, что пришёл сосед и напомнил нам, что вокруг люди,

И, если потребуется помощь, то пусть мы его позовём.

После всего она сказала, что не хочет менять своего мнения о нём, – такого, какое у неё сложилось в художественной школе. В душу мою закралось подозрение. (Чувство моё к нему угасло, но не слишком.) Мы болтали ещё о многом. Я говорила о том, какой я поганый человек, потом мы говорили друг о друге, а в половине первого легли спать.

Двадцать первое марта.

Я проснулась в шесть утра. Сама. Без будильника.

После завтрака мы немного ждали автобус. Мама сказала: «Пойдите пока куда-нибудь»,

Паша тут же ответил: «А тут и идти некуда».

Я говорю Нине: «Вот, пожалуйста».

А она: «И как ты успеваешь за ним замечать!»

Автобус привёз к Кремлю, и там мы больше часа стояли в очереди к мавзолею. Зрелище это и шествие мимо урн в Кремлёвской стене произвело должное впечатление. После обеда снова в автобусе поехали на экскурсию по Москве. Мы с Ниной сидели в самом конце салона автобуса. Утром там сидели Паша и Ира...

А теперь я уселась на его место. Я сидела и думала, что вот тут был он... Тогда, утром, я всё смотрела в их сторону, но рядом была Нина и было неудобно всё время скользить по нему взглядом. На Ленинских горах мы вышли к трамплину и, когда возвращались в автобус,

Паша, поравнявшись с нами, спросил: «Интересно, сколько им платят за экскурсию?»

В автобусе, да и почти всюду, я слышала от него много шаблонных фраз, к примеру,

«Мечтать не вредно».

Вечером мы поехали в Театр Советской Армии. О Паше сказали, что он вспомнил, что у его мамы день рождения и что он решил дать ей телеграмму. Потом это сменилось

походом за стереонаушниками.

Перед входом в театр я сказала Климову, что будет «Оптимистическая трагедия». Он предположил, что, наверное, нет. Я ответила: «Посмотрим».

Это была «Оптимистическая трагедия», премьера. Я была потрясена спектаклем, музыкой, игрой, и конечно, плакала в конце спектакля, когда москвичи понесли цветы своим любимым артистам и не умолкали аплодисменты.

Все сочли девятиклассников дураками, а я искренне в душе пожалела их, что они были обойдены теми чувствами, которые в этот вечер посетили меня.

Двадцать второе марта.

Утром – Музей Изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

С собой захватили бутылку донского вина – подарок, цветов от Боюшенко, руководителя школьного литературного клуба. Подъехали и, оставив одежду в автобусе, стали выходить. Я решила выйти после всех. Мимо в проходе автобуса шёл Паша и спросил: «Наташа, а что это за вино?»

«Это подарок Боюшенко». Надо сказать, что руководительница клуба была просто фанатом поэта и всех агитировала серьёзно изучать его творчество, в школе часто ставили спектакли по произведениям поэта, проводились вечера его памяти...

Вряд ли Пашу интересовало происхождение появления марочного вина в салоне автобуса. Его интересовало более точное название... Но, возможно, я ошибаюсь. В тот момент насчёт вина я сказала только – «И зачем оно надо...»

На улице было тепло. Войдя в музей, условились встретиться в двенадцать, через час. Мы с Ниной пошли вдвоём, осматривая всё как можно доскональнее. Мне очень хотелось посмотреть скульптуры Родена, но никто не знал, где точно он находится. Мы долго любовались «Давидом» на первом этаже и, поднявшись наверх, шли уже быстрее – оставалось мало времени. Наверху, в одном из залов, я увидела, как навстречу идёт Паша. И сказала ему: «Павлик, ты не видел, где Роден?» Он показал рукой вперёд и посоветовал потом повернуть налево и добавил: «Да вот же впереди его скульптура». В следующем зале была видна большая скульптура тёмного цвета. Но откуда я могла знать, что это Роден...

Но сказала: «А! Да, да...» И мы пошли. В этом зале были «Вечная весна» и «Поцелуй».

После обеда мы были в Третьяковской галерее. Вот тут-то произошло необыкновенное.

Главное – Куинджи, «Ночь на Днепре».

Мы с Ниной ходили по одному из залов, только что посмотрев работы Иванова, как тут подошёл Паша и спросил: «Ну, как вам «Явление Христа народу»? Правда, классно?»

Я сказала: «Павлик, это не то слово». Он: «Да, верно, это

не то слово».

Мы с Ниной зашли в автобус последними, – плелись от метро. За обедом за столом сидели Кинаш, Касаркин, я, Нина и Лисовский. Лисовский что-то говорил про жёсткое мясо, что это какие-то сапоги и им – мясом, то есть – можно точить зубы. Потом разговор зашёл ни с того ни с сего о княжне Таракановой, после чего плавно перешли к тараканам – о том, как они плавают в компоте и моют ноги. Я смеялась до упаду. В раздевалке Вова Кинаш дополнительно рассмешил ещё чем-то из рассказов про физику...

За ужином я не постеснялась и спросила Нину прямо при всех о том, где сидит Паша. Оказалось, с девочками, развлекает их своими шутками. Сказала вслух: «Я так и знала».

Вова Кинаш спросил: «Вы о чём?»

Но я отмахнулась; «Да...»

О, лучше бы на месте Вовы тогда, в ГУМе, был Паша. Кинаш очень хороший мальчишка, я с ним чувствую себя всё равно как с девчонкой, он заботлив и внимателен, он прекрасно воспитан, но... если б это был Паша!

Вечером к нам в номер пришли все семиклашки.

Моя любимица Лена села на телефон и началось...

Было решено звонить Климову. Она выдала себя за ленинградку, спросила, где живёт собеседник, как у него дела в городе с бензином, она водит машину – что истинная правда... Спросила, говорит ли он по-английски – «Неважно? — Я тоже», попросила о дополнительном звонке через два ча-

са, ей ответили, что к нему придут друзья и подруги.

Она много чего наговорила, мы кругом катались от ме-
ха, а Ленка время от времени говорила «Минуточку», зажи-
мала телефонную трубку носовым платком и сама давилась
от смеха.

Мы все добросовестно два часа дежурили возле телефо-
на до тех пор, пока не захотели спать. Всё равно на звонки
никто не отвечал, девчонки ушли к себе, а мы с Ниной бол-
тали до двух часов ночи. В Третьяковке, помнится, случил-
ся один странный эпизод – в каком зале ни оказывались мы
с Ниной – везде появлялся Паша, во всех уголках появлялся
он, как будто ходил следом, и вдруг Нина сказала: «Пойдём
пока лучше вон там посмотрим» – и увела меня. Мне кажет-
ся, из-за него...

Двадцать третье марта.

На Ваганьково мы бежали, не шли. Я спешила войти до де-
вятого класса и прямиком – к могиле В. Высоцкого... В зе-
лёных сосновых ветках с шишками было четверостишие:

«Ты жил, играл и пел с усмешкой,
Любовь российская и рана.
Ты в чёрной рамке не уместисься.
Тесны тебе людские рамки».

Паша снял шапку, стоял слева от простенькой ограды

и переписывал эти строки.

А я запомнила. Нина переписала тоже.

Потом были на могиле Сергея Есенина. На обеих могилах положили цветы... На обратном пути снова задержались у могилы Высоцкого... Паша снова снял шапку, подошёл ближе и долго стоял там.

Приехали с Васильевым – сопровождающим, отцом одной из учениц – на ВДНХ. Пока он где-то ходил, все поразошлись. Мы с Ниной тоже пошли – на лавочку.

Лавочки сделаны в ограде так, что, пока не подойдёшь, не увидишь, кто там сидит.

На первой лавочке сидел Климов с девочками. Подходя ко второй, я увидела ноги мальчишек и сказала: «Там сидят, тоже занято».

А Нина сказала: «Курят».

Я шла мимо, делала независимую морду и заставляла себя не смотреть, но не удержалась. Мне резануло глаза. Я ожидала всего, но только не этого. Я никогда не представляла себе его с папиросой в руках – не то чтобы в зубах. А он сидел именно так,

Немного вполоборота, а в руке белела папироса.

Мы с Ниной сели на следующую лавочку, и я поделилась с не своими мыслями. И тут же

Пожалела, что поделилась. Она сказала: «Я тебя не понимаю. Ну и что?»

...А потом, через пять лет, он будет сидеть с папиросой в моей комнате в общежитии, и меня уже не будет шокировать этот факт, но я по-прежнему буду говорить ему об обратном...

«Я довольна, что за эту поездку узнала некоторых людей, но зато разочаровалась в них, и мне так легко и хорошо».

Они все «промелись» мимо, пошли покупать билеты в павильон на круговую кинопанораму, стереокино то есть. Потом Паша сказал, что это даёт право входа на ВДНХ, и мы купили тоже, сели в вагончики, поехали до «Космоса», посмотрели, а потом через всю ВДНХ пешком пришли смотреть кино, ужасно устали, и я так и не поняла – не то мы смотрели ВДНХ, не то эту дурацкую панораму...

После обеда Васильев сказал, что у нас до половины четвертого есть время на магазины, в сквере возле Кремля назначил встречу. Мы помотались по ЦУМу, потом было решено идти в антропологический музей, но у него был выходной. Вечером мы должны были разбиться на три группы и идти:

1. МХАТ «Агония».
2. Театр имени Ермоловой «Крейцера соната».
3. Театр оперетты «Пенелопа».

Во МХАТ пошли семиклашки, Нина, Климов и я. Билеты были на шестой ряд партера и во втором ярусе. В спектакле играли Р. Нифонтова и Н. Подгорный.

Всё было чудно, и вот после первого действия мы встретились в антракте с девчонками, и они пожаловались, что им сверху плохо видно, что там какая-то сетка, и мы великодушно согласились пересесть. Я намеревалась сесть рядом с Вовой, но рядом с ним села Нина.

В антракте мы разглядывали стены фойе – там висели фотографии Е. Прокловой и Е. Киндинова. Второе действие было потрясающим – убийство, поцелуи, объятия, а в третьем действии – самоубийство. Затем – занавес.

Перед последним действием в антракте мы сидели и болтали. Я опозорилась. Он спросил:

«Где играет Нифонтова?»

Я ничего не могла ответить.

В метро на обратном пути мы сидели, а Климов стоял рядом, почти так же, как стоял Паша перед девочками из своего класса...

Как мы бежали к искусству! Нас высадили возле нового здания МХАТа. Мы подошли – двери закрыты, вахтёр сказала, что у них выходной. Тогда Вова пошёл спрашивать про дорогу, а девочки побежали, и мы тоже, пересекая улицы, бежали к театру, по пути спрашивая дорогу, а на заборах висели объявления «БЕГА», и было смешно и весело, и мы успели.

Мы летели в погоне за искусством...

...Ходили фотографироваться возле киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького. Первый раз испол-

нилось то, что наметила я. Сказала Лене, что попрошу Климова. Мы все плохо умеем обращаться с фотоаппаратом. Тогда Лена ответила, что попросит сама чтобы он нас сфотографировал. Но я припомнила ей недавний розыгрыш в гостинице. Тот, с телефоном. И сказала: «Нет, я». В результате при выходе из автобуса я попросила его нам помочь. «Или, может быть, тебе куда-нибудь надо?»

Он ответил: «Нет, почему же. Я, в принципе, согласен. Мне как раз идти в ту сторону».

...В автобусе Нина сидела со Светой, впереди – Ленка, а сзади – я с сумкой. Ленка попросила показать листы с цитатами из антропологического музея. Я отдала ей листы,

А Климов заинтересовался: «Что это такое? Дайте посмотреть.»

Ленка: «Возьми и пересядь, тогда посмотришь».

«Мне Наташа подаст.»

Передаю ему листы, а Ленка: «Застегни пуговицы на груди».

Нашла время сказать – это у меня на новом болгарском батнике всегда расстегивались две-три верхних пуговицы.

Я нашлась, что сказать: «Молчи, ленинградская гостья».

Двадцать четвёртое марта.

Утром Паша, как только все выходили на крыльцо, сказал Нине:

«Если тебе нужно узнать время, набирай 100. Чтобы больше таких звонков не было, ясно?»

Она отвернулась от него. Потом сказала мне: «Вот теперь я сама убедилась в том, какой он. Пока сама не испытаю, никому не поверю.»

... Через четыре года я услышу почти стопроцентно похожую фразу «Пока сама не увидишь своими глазами, никому не верь на слово. Мой тебе совет.» Слова принадлежали Паше. Он говорил их мне и до армии, и после возвращения.

... После завтрака дали полчаса свободного времени. Мы пошли в гостиницу. Нина подошла к прилавку с сувенирами. Там стоял Паша, Я решила подойти. Едва оказалась там, как Нина что-то сказала о матрёшках и тут же купила.

Тут Паша сказал: «У матери день рождения. Не знаю, что выбрать. Она у меня не любит духи. Она любит, когда дарят какой-нибудь сувенир».

«А если ей подарить шкатулочку?»

«Давай посмотрим».

«Вон, смотри, там, где сова на верхней полке, – шкатулка. А вон там – ещё.»

«Давай попросим посмотреть».

Через много лет всё сложится так, что я, увлекаясь собиранием фигурок сов, подарю сову тому самому Вове Кинашу, который так запомнился мне в этой поездке.

И он увезёт её далеко, за полторы тысячи километров...

...Нина звонила Паше – просила подсказать, который час. Вот откуда «маленькая ссора».

...Мы переходим от одного прилавка к другому, и он просит показать эту шкатулку. Она сделана в виде шестиугольника, с коричневым узором. Два рубля тридцать копеек.

«Если бы она у тебя любила духи, можно было бы подарить вот эти»

Я незаметно ушла от прилавка, когда подошла Нина.

Зачем я стояла там? Из-за него.

Нина потом говорила, что он спрашивал у неё о подарке, а когда она ушла, стал спрашивать совета у меня. Зачем я всё разбалтывала ей?

«Наташа, ты не знаешь, нас развезут по магазинам?»

«Я не знаю».

«Нет, конечно. Этот тут Климов слухи распускает. Он у нас вообще такой...»

В антропологический всё-таки попали.

Я считала его чуть ли не божеством. А задумывалась ли я о нём как о человеке? Не ищу в нём характер, а вижу только внешность. Может, выдумала разочарование в нём?

Мы с Ниной отправились в аптеку. У входа стоял ОН, с мальчишками. Во мне всё пело. Он говорил со мной! Ему интересно моё мнение о подарке! Кинаш в аптеке – я не хочу на него смотреть. Скорей в автобус! Скорей увидеть его! Я

веду себя ужасно. И знаю это за собой.

«А ты поедешь в Кремль или в антропологию?»

«А ты был в Кремле?»

«Нет, не был. А ты была?»

«Да».

Он, которого я обожаю и который ничего не знает об этом, сейчас стоит рядом со мной и для него наш разговор не имеет никакого значения. А для меня! А для меня?

...Возле ВГИКа были люди, мы остановились возле студии и Вова фотографировал нас-Нину, меня, Наташу и Ленку. А потом Ленка – нас с Володей. Всё было бы неплохо, но тут Ленку что-то укололо. Она подбежала к Вова, встала рядом с ним и сказала: «Фотографируйте меня!» Тут все попадали со смеху. И я тоже. Но, едва я посмотрела на него, то увидела, как он смутился и почувствовала, что тут что-то неправильно. С меня разом сошёл весь смех. Я не успела ещё очухаться, как Вова сказал: «Ну ладно, я тут с вами время теряю,» – и быстро ушёл. Вот тут-то я и высказалась о том, что мы поставили его в неудобное положение, и сами опозорились, и теперь надо извиниться. Мы с Ленкой стали спорить о том, кому извиняться. Она вся как-то сникла, шла до самой гостиницы и всё время угрюмо повторяла, что это она виновата и извиняться будет сама.

В вестибюле гостиницы мы сели, и я спросила, как мы обе будем извиняться и что говорить. Можно, например, сказать, что вышла очень некрасивая ситуация.

Тут открылась дверь, и вошёл Климов. Ленка подозвала его и сказала: «Извини, такая ситуация вышла неудобная.» Он ответил, что ничего не заметил и вообще всё забыл и ни на что не собирался обижаться.

Вечером собрались в четыреста двадцатом номере, девочки показывали тряпки, кто какие купил. Было противно сидеть среди этих барахольщиц.

Перед отъездом решили опять позвонить Климову, но всё попадали на Кулижского. Потом Ленка что-то расхотела говорить с Климовым. Разговор не клеился и между нами.

Вот и Казанский вокзал. Будто не уезжали...

...Дома, как я и ожидала, состоялся разговор с мамой. Я чувствовала себя ничтожеством. Потом я мыла пол в кухне и ревела, а в комнате пел Высоцкий, и от его песен я ревела ещё больше. В голову лезли дурацкие мысли: уеду в Горький, никого не буду видеть, начнётся война. Нас, как специально, в то время часто водили на экскурсии в бомбоубежище...

Потом я позвонила Ленке. Хорошо, что есть телефон!

Я вспомнила, как она говорила мне в поезде: «Ну чего ты, такая большая и такая глупенькая», а я сидела, уткнувшись в её плечо и рыдала. Она отдала мне все свои носовые платки.

Хочу уехать отсюда! Последние каникулы, а я подгоняю время.

Москва и девчонки будут как доброе воспоминание.

Когда мы уезжали из Москвы, Ира Седова просила таблетка от головной боли. Спросили, кому. – «Павлику. У него лоб такой горячий» (неужели потрогала?) Паша прошагал через сумки, перешагивая всё на своём пути, и Светка спросила у него: «Паша, это отчего у тебя голова горячая?» – «От любви», ответил он.

Паше домой тоже позвонили, лежит с температурой.

Хочу в школу – увидеть их всех.

Разве можно стихи сочинить?
Разве может назваться стихами
Та незримая тонкая нить,
Что так прочно легла между нами?
Этот след называется – свет.
Для кого-то он резок и ярок,
Для кого-то – бесценный подарок,
Уходящего памятный след,
Уходящего тающий свет.
Перетёрлась тончайшая нить.
Люди грубы и неосторожны.
Разве можно тебя сочинить?
Разве можно?..

– О! Идея! Завтра какое число?

– Первое.

– Не знаешь, – когда паспорт дают, забирают свидетельство о рождении?

– Нет, не забирают.

Перебирает бумажки в сумке.

– Это очень хорошо... Наташа, где висит мой костюм?

Здесь?

– Да.

Открывает шкаф.

– Нет, вот так...

– Пардон...

– Да господи...

Не может справиться с ключом.

– Плохой из меня взломщик.

– Нет, не в ту сторону.

– Помоги мне, пожалуйста.

Но уже справился сам.

Я смотрю, стоя сзади, на его отражение в зеркале. Сохрани его, зеркало. Сохрани!

Открывает чемоданы. Я стою у окна, отвернувшись.

– Ну, а ты что сейчас делаешь?

– Да ничего. На работу неделю не ходим. Учимся с третьего числа.

– Слышал.

– Мама письмо прислала. Пишет – не впадай в меланхолию.

– По поводу чего?

– По поводу всего вообще.

– Правильно. Я. Когда ни прихожу, всегда застаю тебя

в таком настроении...

– Да, всегда. А чего радоваться?

– Вот меня в армию берут, я и то не собираюсь плакать.

А я подумала – вот тебе в армию идти, потому у меня такое настроение, а вслух:

– Ну мы же с тобой разные люди.

Подходит к моим книжным полкам.

– Что это за «Тёмная завеса»? Можно посмотреть?

– Конечно.

– А что это?

– О влиянии Америки на советскую молодёжь.

Пока смотрит, я говорю:

– Ты извини меня, что я тебе тогда всякой ерунды наговорила.

Я кроме глупостей ничего говорить не умею...

А он, будто не слышал:

– Цезарь Солодарь автор?

Потом:

– Дрюон... можно посмотреть? Это ты прямо в магазине купила?

– Нет, на макулатуру.

– Это третья книга?

– Нет, седьмая. Да ерунда. Ещё был «Железный король», я его домой отвезла.

– С деканом поругался... А мне на него наплевать, на этого человека.

– Может, не возьмут тебя раньше срока, до ноября. Как будто знаю его день рождения, – но ведь на самом деле знаю же

– Домой всё равно поеду, – хоть на автобусе, хоть на пароходе, хоть самолётом. Постригусь наголо и поеду так для смеха. Всё равно постригут.

– Какой тут смех?

– У меня с родителями полное взаимопонимание. Они всегда говорят – решай как хочешь.

– Это хорошо, когда родители доверяют. Я считаю, у нас тоже взаимопонимание.

– Тебе нравится Хемингуэй? Я, правда, мало что читал. У тебя есть Хемингуэй?

– Есть... нравится... не знаю... я в этом не разбираюсь, я вообще в литературе не разбираюсь.

– Не говори глупости. Нет, правда, тебе нравится Хемингуэй?

«Комсомольская правда» на столе. Статья о группе «Кисс».

– О! «Кисс»!

Читает. Стоит, опершись о стол. Голову наклонил. Смотрю на его руки —они такие же как тогда, когда он вёл заседания нашего клуба в школе. Нет, он сидел тогда за столом. Сейчас он стоит. Но руки...

Чёрный плащ. Тогда его не было.

– Я в этом году дома пересмотрела, что читала, а что нет. Половину из домашней библиотеки не читала.

– Я тоже. Когда дома – не всегда даже охота читать. Ну, я пойду

– Я провожу тебя.

– Что я – маленький, что ли?

– Разве только маленьких провожают?

– Нет, ну я ведь не девушка... (с такой улыбочкой)

– Фу, ну и что же. Не говори глупостей.

Мы выходим в коридор. Тётя Галя спрашивает, придёт ли он ещё до шестого числа и перед отъездом. «А как же?»

Я наклоняюсь чтобы надеть босоножки, рядом с ним. В это мгновение я чувствую себя беззащитной. Мы выходим. Он открывает дверь. На площадке говорит: – Если придёт свидетельство о рождении, то ты свяжись со мной как-нибудь, хорошо? Может, ещё успеет дойти.

Выходим из подъезда. Держит дверь.

– Похолодало в Горьком.

– Да, похолодало.

– Сегодня парня одного в армию провожаем.

– Если бы можно было всё повернуть назад...

– Ты же знаешь, я не люблю такие разговоры – на темы морали.

– Я знаю, но что поделаешь.

– Нет, лучше быть материалистом.

– Давай пройдем здесь...

И мы, не дойдя до светофора, идём немного вбок, чтобы перебежать дорогу.

– Тут ходит восьмая маршрутка?

– Да.

– Вон идёт какая-то...

– Она – налево.

– Я сейчас, если что, побегу.

И – маршрутка. Как нарочно.

– Эта – прямо? Не налево?

– Прямо.

– Ну, я побежал. Пока.

Он бежал – секунды – а я смотрела ему вслед. Когда он вошёл в автобус, я повернулась

И пошла от остановки, чуть ли не бегом.

Тебя не было неделю. Она прошла, как один день. Ну, ничего. Я его ещё увижу. Ещё один раз. А, может, даже провожу на поезд. Он ведь всё равно уедет. Он сказал, стоя у двери: «У меня день рождения 25 ноября, я всё равно не пойду в армию.

– Может, тебя весной возьмут. У меня есть подружка – её знакомого должны были осенью призвать, а получилось – весной.

– Нет, не весной. Это не просто медкомиссия. Все документы будут забирать... А почему у тебя немецко-русский словарь?

– Я же не знала, что будем учить испанский...

Позволь мне часто думать о тебе.
Позволь мне сократить твои страдания.
Неважны в этой жизни расстоянья.
Позволь мне часто думать о тебе.
Пусть тебя не посетит печаль.
Я к мукам не зову родную душу.
Ты слов моих, пожалуйста, не слушай.
А если слышишь, то не отвечай.
Зачем же всё мной сказано тебе?
В последний раз. Уже не повторится.
Я не хотела б заново родиться
Чтобы тебя не повстречать в судьбе.
Прости меня. Ведь я тебя не стою
И это даже большее, чем стыд.
Как мне самой себе глаза открыть,
Как горькой правдой душу успокоить!
Я понимаю: каждому – своё.
А лучше стать, наверно, не под силу.
Но лишь прощенья я бы попросила.
И только. Мне не надо ничего.
Родившись, получают право жить.
Немногие, пока живут, мудреют.
Ещё немногим дан талант любить.
Прости меня, любить я не умею.

Два года можно делать себя. Для тебя, возможно, это и будет вовремя.

Десятое октября 1983 года.

Дни завертелись, как скрипучий голос шарманки. Ехала из института домой и думала, какое сегодня лживое солнце. Подслеповатое, неяркое, словно смотришь в мутное стекло. Ты в общаге один. Это мне сказала Лена Комиссарова. Она жалеет тебя. А я? Я не умею тебе сочувствовать. Я буду ждать. Потому что кто-то ведь должен ждать, когда люди в армии проходят проверку на прочность, на всё человеческое. Кто-то должен ждать, пусть даже «и не друг, и не враг, а так...»

Седьмое октября, пятница.

По гороскопу – счастливый день. Я снова знала, что ты придёшь.

Лена пришла чуть раньше, в двенадцать часов. А ты... я же знаю, что ты приходишь вечером, часов в пять.

Лена принесла гороскоп. Мы открыли его и стали читать о Стрельце – твоём созвездии. Звонок. Ты, конечно, ты. Лена пошла открывать. Вернулась. Забежала в комнату. «Кто?» – «ОН!»

Что же она ушла, бросила его в коридоре... Я выбегаю. Он разувается.

– Привет!

– Здравствуй. Ты была вчера в общежитии? Меня там

не было. Завтра я еду домой.

– Знаю.

– Тебе сказали?

– Да.

– Меня не было. Мотался по городу.

В комнату вхожу первая., он пропускает.

– А мы тут ерундой занимаемся. Лена гороскоп принесла.

Ей хозяйка дала почитать.

Ба! А страница открыта на Стрельце! Наклоняется над столом:

– Стрелец – моё созвездие.

Фу, стыд-то какой.

– Наташа, тебе ничего не надо домой передать?

– Да, вот письмо. Но я его ещё не дописала. Может, тебе потом привезти?

– Как ты успеешь? Я завтра улетаю.

– Во сколько самолёт? В два?

– В десять, утром. Пиши сейчас, пока я буду собираться.

Что-то у вас настроение плохое.

– Почему это? Хорошее! С чего ему быть плохому.

Он берёт гороскоп, газеты, садится на диван, немного неловко.

Лена сидит на сундуке, раскрашивает воздушный шарик. Молчит. Я пишу. У меня трясутся руки. Я пишу всё, о чём думаю. О том, что он рядом. Вот он сидит и больше не надо ничего и никого. А я пишу, смотрю в окно время от времени,

и мне кажется, что он на меня смотрит.

– А нет у вас этого... гадания по руке?

– Нет. Если бы мы ещё по руке гадали!

Тётя Галя выручает. Расспрашивает его: «Ну, чем тебя вчера обрадовали?»

– Всё прекрасно. В артиллерию. Это хорошо. В декабре или весной. Поеду домой недели на две.

– Учиться будешь, когда приедешь? Какой ты лодырь...

– А как же, буду.

Смотрю на него, он – на меня. Тётя Галя ему: «Ты разденься». Он снимает свой чёрный плащ. Тянись, время!

«Ишь, какие девочки деловые – одна рисует, другая пишет». Тётя Галя, умница.

Подняла голову. Улыбается, прячет улыбку в кулак и говорит:

– Да они не деловые.

– Какие мы деловые, Паша... Чай будешь?

«Девочки тебе чаю согреют».

– Нет, спасибо, я только что из столовой.

«Тебе надо, может, собраться? Девочки, выйдите в кухню.»

– Нет, не нужно, я только «дипломат» с собой возьму. Я оставлю у вас все вещи, когда приеду. Будет холодно.

«А то, может, и не увидимся больше».

– Куда же я денусь?

Лену позвала тётя Галя. Когда она вышла, Паша сказал

мне каким-то изменившимся голосом;

– А у тебя какое созвездие?

– Близнецы.

– Это какой месяц? Июнь?

– Июнь. Это всё такая ерунда, этот гороскоп. Во что-то надо верить. Как народный календарь.

– 1983 —год Кабана? А... Кабана? А тот был годом Собаки?

– Кажется, Обезьяны.

– А что это обозначает?

– Кто его знает.

– Свадьбы... Ерунда какая-то. Кстати, Телец всегда был созвездием, под которым рождались гении. Гитлер, Ленин... То есть, Ленин, Гитлер... А тут – созвездие Близнецов. А ты, Лена, под каким созвездием?

– Дева, август.

– Что за передача?

– Фильм о Паулсе.

– Какие девицы рядом с ним... Паулс в подтяжках...

– Рабочий момент.

Заговорили о Высоцком. О том, что Паша чуть не купил его диски – один за сорок рублей, другой, французский – за девяносто.

– С собой было только восемьдесят. Я бы купил.

– Нам так не жить.

– А для меня – только Высоцкий. Никого больше не при-

знаю.

– Какие там были песни?

Называет.

– Знаешь?

– Слышала. Нет, для меня – только Дин Рид.

– Дин Рид??

Достаю альбом.

– Это что – всё Дин Рид?

– Я этим занималась в шестом седьмом классе.

И началось...

– Дин Рид в Улан-Удэ, Дин Рид на БАМе... А в Ростове он не был? Страна подлинной демократии... О, да-да-да-да! «Братья по крови»... Кто этот юноша? Дин Рид?

– А что? Он даже очень выглядит...

– Да... не курит! А жену уродину взял, не мог найти по-красивее.

– А чем она тебе не нравится?

И как раз по телевизору – фильм, и Рената Блюме в главной роли.

– Вот, пожалуйста, тощая.

Читает по-немецки.

– А то мы ещё не слышали, давай-давай.

– У него голоса нет. О, в горах... Гойко Митич. Немецкий журнал? Эль кАнтор...

– Эль кантОр...

– Какой проходной балл был в педагогическом? Две мои

знакомые поступили. Два года назад – 22 балла.

– Она очень даже ничего в «Марксе».

– Весь фильм испортила. Маркс – красавец мужчина, а она...

– Красавцы тоже бывают...

– «Гармоника»... Почему не гитара, не балалайка?

– Паша, ты что, веселишь нас на целый месяц?

Смеёмся. Как он смеётся! Здесь, у нас, он никогда так не смеялся. При мне он вообще никогда не смеялся.

– Я же не смеюсь над твоим Высоцким, ничего не говорю про него, а ты...

– Обиделась...

Иронично так.

– Хорошо, что испанский, а не немецкий.

– А распределение? С английским? А где работать?

– В «Интуристе». 180 рублей.

Смотрю на него. Он через секунду улыбается. Понял.

– Паша, у меня слов нет.

– А, ну всё понятно. В школе-то 120 рублей. Нет, я никогда не чувствовал в себе педагогического призвания.

– Только в школу... Хоть 90 рублей. Нужно быть там, где не получается. Хотела тебе показать одну статью... в газете.

– Я не люблю такие вещи.

– Вот, всё равно... прочти.

Читает. Смотрю на него. Какой он...

– Я не люблю такие вещи.

Потягивается, как молодой кот.

– Ясно.

– Ой, у меня ключи остались в пиджаке. Я передам с кем-нибудь.

– Я, может, приеду?

– Зачем тебе ездить второй раз в общежитие в такую даль... Я передам с Комиссаровой.

– Хорошо... Так и не переписала из «Огней Болгарии»...

А ты читал?

– «В доме Владимира Высоцкого»? Нет ещё. Мне только твоя мама сказала.

– Не люблю Вознесенского. У него трудные стихи.

– А ты читал «Озу»?

– «Узу»?

– «Озу».

– Что-то из древней поэзии?

– Нет. Я вот сейчас тебе найду.

– Нет, не надо.

Достаю ему пластинку Тухманова: три штуки купила.

– Три рубля?

– Если тебе не жалко 90, почему мне должно быть жалко три?

– Но я ведь не купил.

– Но купил бы?

– Конечно.

– Ну вот... Лена, достань-ка мне ту серую тетрадку.

– Там – что?

– Высоцкий. Сейчас... Сейчас мы и его просмеём. Ты посмотри на него, раскритиковал Дина Риду. Зато Дин Рид за мир боролся.

– Побрили его – и в тюрьму.

– Почему обязательно побрили?

– Выгнали из Америки, так он – в ГДР.

– Там у него вилла. Это я так думаю.

– На одном этаже живёт Рената Блюме с вот такими глазами, на другом – он с гитарой.

Смеёмся. Как хорошо с ним смеяться. Я его не боюсь.

– Ну, я пойду.

Я молчу. Он берёт «дипломат». Стоит рядом со мной. Я сижу за столом. Смотрю в окно.

– Ну, давай письмо.

– Вот.

– Тетрадь?

– Да. Писала всю ночь.

– Письмо писала всю ночь?

– Я люблю писать длинные письма.

– Я люблю получать длинные письма.

– Я тоже люблю получать...

Берёт письмо, кладёт его в «дипломат».

– Счастливо оставаться.

Выходим в коридор.

– Как дела с учёбой?

– Всё нормально. Испанский, военный перевод...

– Это хорошо, что нормально.

– Если мама будет спрашивать, скажи, всё нормально, настроение отличное.

– Ты не знаешь, почему Лена Комиссарова осталась на второй год?

– Не знаю. Сейчас их группу расформировали.

– Да, печально, что их группу расформировали... Ну, я когда приеду, сразу зайду к тебе.

– Хорошо.

Снимаю с вешалки куртку. Выходим.

– Сегодня тепло.

– Да.

– Интересное кино идёт в «Сормовском», про итальянский фашизм. «Я боюсь». Не то что про любовь.

– Я уже полгода в кино не была.

– Нет, я часто хожу.

– Наташа, знаешь, что может получиться этой зимой, понимаешь, в том году, говорят, «ленинский» призыв. В морфлоте – четыре года, а так – три. Лучше бы меня забрали в декабре. Чего тянуть kota за хвост. Всё равно заберут.

– Галочка из Москвы вчера письмо прислала. Вот люди интересно живут.

– Коршикова? Я их путаю с Березняковой. Кулижский тоже письмо прислал.

– Что пишет?

– Что живут интересно.

– Да-а... В Москве, в Ленинграде...

– Ленинград лучше Москвы. Мой любимый город.

– Точно.

– Хотя хуже Горького ничего быть не может.

– ?

Кашляет. Жутко.

– Как ты простыл...

– Да... Климат ничего, но в Горьком я долго быть не могу.

Увижу всех своих друзей скоро...

– Домой бы сейчас...

– Ты хочешь домой?

– Странный вопрос. Я всё равно поеду раньше каникул.

Ты только маме ничего не говори, ладно? А то начнётся – как это? пропускать занятия?

– Нет, у меня родители говорят – поступай так, как считаешь нужным.

– Это все так считают...

– Да... Здесь останавливается восьмая маршрутка?

– Вон «пятьдесят первый» идёт.

Достаёт мелочь.

– Ну, передавай там всем привет. Счастливо тебе.

– Тебе тоже.

Побежал. Смотрю вслед. Входит в автобус. Ухожу.

Как недавно писал Саша с Ямайки – «лубоф-ФФ»...

Тётя Галя потом сказала — «Смотрел на тебя украдкой».

Смотрел ли?

Наигранно, неестественно, глупо...

Но хороший был день.

– Если мне будут приходиться письма, ты складывай их. Я не думаю, что будет большая пачка.

Такой, как вчера, как на клубе в школе.

– В Москву поступают те, кто поумнее и, если хочешь, побогаче.

– У меня в школе не получится.

– О, начинается...

– Нет, на самом деле...

Я тебе доверяю. Я ещё увижу тебя. Сейчас твой самолёт летит домой. Я рада за тебя. Я жду. Сегодня ночью снились книги Хемингуэя.

Второе сентября.

Счастье? Его шуба и моя – рядом в шкафу тёти Гали. Ключи от квартиры – у него, а мне его жалко, потому что он спит на одном матрасе в холодном общежитии. А ещё в шкафу висит его костюм синий и тот, любимый, выпускной, с коричневым галстуком в белый горошек, и ещё рубашка, на кармане которой сбоку пристрочен ярлычок. А ты, Пашенька, всё-таки жестокий и бессердечный. Ведь ты же всё знаешь и... опять переставляешь мою пешку. Но я сама виновата во всём. И теперь вот сплю рядом с твоими чемо-

данами, как верная собака. Ну, скажи мне, – «какая же ты дура, Наташка.» Я так этого жду. Пусть письма твои приходят на Коминтерна. Пусть ты когда-нибудь захочешь встретиться со мной напоследок не из чувства такта и вежливости. Да, ты перевёлся бы отсюда, если бы это был педагогический, а не переводческий.

Где же твоя коричневая курточка?

Почему я отчитываюсь перед тобой даже в том, с кем и с какой Светой из нескольких Свет ездила домой и жила в общежитии?

...подвела сестру к общаге, говорю – вот, смотри, здесь жила твоя сестра. Она меня попросила показать все окна, которые ей хоть о чём-то могли сказать, со ссылкой на мои рассказы. Потом она подумала и выдала: «Хорошо, что я здесь не живу».

Она стала весьма представительной девицей и потихоньку страдает по некоторым моим ученикам. Иногда я дразню её насчёт переходного возраста, на что она мне парирует: «У тебя вся жизнь – переходный возраст». Язычок у неё, что называется, подвешен. Когда собираемся вместе, то у нас получаются вечера юмора, хоть записывай на магнитофон.

Нельзя любить в благодарность за что-то. Заплывают души телом. Где-то я слышала такое выражение. Надо любить жизнь больше, чем её смысл. Это я, дура набитая, всё чего-то жду. Чувство единения в самолёте – потому что все вместе в воздухе висим. Только личность может понимать другую

личность. Нужно слушать свой внутренний голос, а не мозги.

Есть и эмоции, и размышления, и себя жалеть я по-прежнему люблю, но, знаешь, всё-таки я занимаюсь не своим делом. По-моему, это так. Где-то я очень ошиблась, и уходят годы, и я делаю не то, что должна и не то, что хочу. Поздно что-то менять. Журналистика – это немного не то. А в Литинститут дорога закрыта.

Сейчас мне ЕГО недостаёт больше, чем остальных, И тем больше надо его видеть, чем сильнее несоответствие нас самих. Страшно, что это никогда не пройдёт. Я тоскую по ОБРАЗУ. Только было бы у него всё хорошо. Пусть и не со мной. Это не поза.

«Ну, что ты ещё скажешь?»

«А что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?»

Слово «performance» подходит ко всему, сказал ты. Это твой любимое слово в английском.

Разве я могу быть тебе непонятной? Мне не верится, что ты приходил. Что я долгие дни ждала твоего письма, а его не было, всё не было и не было, и я не представляла, когда увижу тебя. И вот ты – здесь. Рядом, и мне спокойно рядом с тобой, и как относительно это спокойствие, и я не та, что прежде, и это страшно. И ты произносишь моё имя. Ты не можешь лгать, кокетничать, играть. Я не использую «наши бабьи хитрости». Ты посоветовал мне писать стихи. Претензия на оригинальность? Нет, просто глупость.

...Одиннадцатого июля я ехала в жёлтеньком «пазике»

и слушала «Мираж». Везла своих на прополку капусты. «Отпустили? Как всё в школе разрешилось?» – мне послышалась ирония в голосе. Почему у меня всё так хорошо и легко, по-человечески, с другими, а не с тобой... Где граница между «очень нравится» и «люблю». Как быть, если есть люди, к которым расположен сразу, с первой минуты знакомства? А, может, эта расположенность от возможной выгоды, которую могут получить от тебя эти люди? Нет, пошло... Я никогда не выйду замуж, потому что, если человек хорошо относится ко мне, всегда мне будет казаться, что – любит. Тоска по мужскому искреннему вниманию, неподдельной участливости и заботе. Вот оно что! «Идите в холодок». Мне ещё никто никогда по-мужски просто, без рисовки и жеманства, не предлагал сесть на песок, подстелив газету, незаметно усаживаясь на собственные туфли. Когда женщина любит, она не замечает, что говорит глупости. И может наговорить такого!.. Я хочу встретить простого, не пошлого.

Перечитываю твои письма. Мне почти двадцать пять. Тебе в следующем году двадцать четыре. Ты писал мне их почти пять лет назад. Наугад беру письмо из маленькой пачки одинаковых конвертов. Армейских конвертов. Твои письма написаны аккуратным немальчишеским почерком. Ты стараешься соблюдать правила орфографии и пунктуации. Аккуратно зачёркиваешь ошибки. Я люблю тебя за эту правильность и аккуратность, хотя иногда она кажется мне смешной. Теперь-то я понимаю, что все эти письма – лишь дань вежли-

ности, нежелание выглядеть неучтивым и, может быть, подлым. Как ни резко это слово.

Но... ты действительно «очень, очень» ждал от меня «любой весточки»? Слова эти казались неподдельными в твоих письмах, и всё же при малейшем анализе отдавали притворством. И мне было гадко. Мне мечталось о красивом высоком чувстве, силе ожидания друг друга, о почти священной тоске. Тоска, конечно, была – твоя по дому – и только. А, может, я сама тосковала по отсутствию всего этого. А твои письма оставались обыденными, вынужденными, правильными. Я чувствовала это, но убеждала себя в обратном. Вот что стало невыносимым. И я взорвалась упрёками. О которых позже жалела. А ещё – обвинениями, которые тебе было трудно понять.

Но, по-моему, ты был даже рад этим обвинениям. Потому что согласился с ними. Ведь если человек не виноват, то он будет отстаивать себя. И, если он хочет настоящей дружбы (а могла ли я предложить её тебе?), то на попытку сомнения в ней не скажет с радостью – «Да! У нас ничего не выйдет! Давай расстанемся!»

Хотя я не знаю точно до сих пор, не знаю наверняка, был ли ты на самом деле рад моему письму, где я обвинила тебя в приспособленчестве (а, точнее, утвердила мысль),

Что тоненькая ниточка, которая связывала нас, оборвалась...

И всё стало иначе с того дня, с того гадкого ничтожного

письма. Словно я годами носила в себе злость к тебе, этот ушат грязи и несдержанности словно всегда был под руками.

А ты, похоже, не обиделся?

Но разве я ненавидела тебя? Ведь это не так, не так.

Как всё сложно. Ты не любил во мне привычку усложнять простые вещи, возноситься взглядом – во всех смыслах – к чему-то абстрактному. Ты считал, что этого не существует.

«Философия – это ненужное толкование простых вещей».

Вот видишь, твои изречения уже стали цитатами. Поэтому и кавычки...

Да, – признавался ты – земля под ногами – вот что главное, а остальное – блажь.

Но, забегая вперёд, надо признать, что вся твоя жизнь так и выстроилась согласно этой формулировке. Формулировке про философию. По крайней мере, до того момента, о котором мне известно...

Мне же хотелось всё или ничего. Разумом я понимала твою «приземлённость», но не принимала её сердцем. Мне хотелось – и одновременно я осознанно избегала и боялась – принадлежности к твоему кругу. Это теперь я понимаю, что в общем смысле люди так и разделены в жизни на «проходчиков и проходимцев», и в силу юношеского максимализма бывает ошибочно воспринимать это деление слишком близко к сердцу...

Do not take it too much to heart.

Кстати, проходчики и проходимцы одинаково могут быть

на стороне как одного, так и другого из этих двух «лагерей»...

...Мне нужно было находиться там только для того, чтобы видеть тебя рядом! какие редкие мгновения в моей жизни! Как скупа жизнь на тех, кого мы больше всех любим. И как скупы мы по отношению к тем, кто нам дорог больше других. А, кажется, всегда успеется!..

«Как тебе дискотека?»

«Наши все были».

«Ну что, будем снова друг другу язвы отпускать? Можно стряхивать пепел в крышку от будильника?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.